

КЭТРИН
КОУЛТЕР

Наследство
Лайтингецов

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К73

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Catherine Coulter
THE NIGHTINGALE LEGACY

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Коултер, Кэтрин.

К73 Наследство Найтингейлов : [роман] / Кэтрин
Коултер ; [пер. с англ. Т.А. Перцевой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-110125-1

Норт Найтингейл, виконт Чилтон, с детства знал, что над мужчинами рода Найтингейлов тяготеет проклятие. Наследие Найтингейлов всегда несло с собой боль измены и горечь предательства. Любовь женщины неизменно наносит раны — этому учили его отец и дед. Но смелая, красивая, искренняя Кэрлайн заставила его поверить, что любовь существует, что благородство не пустой звук...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Catherine Coulter, 1994
© Перевод. Т. А. Перцева, 2018
ISBN 978-5-17-110125-1 © Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

*Сент-Эгнес-Хед, Корнуолл
Август 1814 года*

Фредерик Норт Найтингейл, склонив голову, молча смотрел на скорчившуюся у его ног женщину. Она сжалась в комочек так, что колени были почти подтянуты к груди, словно, падая с высокой скалы, она еще пыталась как-то защититься. Модное платье из светло-голубого муслина разорвано под мышками, корсаж и юбка в грязных пятнах и пыли. Голубая туфелька свисала с правой ноги на скрученной и порванной ленте.

Норт опустил на колени около несчастной и осторожно отвел от ее головы уже застывшие руки. Это оказалось нелегко — женщина была мертва уже не меньше восемнадцати часов, поскольку сведенные мускулы вновь начали расслабляться. Норт невольно прижал пальцы к грязной шее в том месте, где болтался оторванный воротник. Возможно, он надеялся на чудо, но, увы, сердце не билось — лишь остывшая плоть леденила руку. Светло-голубые глаза невидяще смотрели на него, не спокойные, готовые принять неизбежное, но вылезшие из орбит от ужаса, что гибель совсем рядом и этот момент — последний в ее жизни.

И хотя Норт наблюдал сотни смертей: видел, как падают люди, сраженные в бою, как инфекция косит десятки раненых в походных госпиталях, — именно эта особенно задела его. Женщина не была солдатом, не носила ни шпаги, ни мушкета. Слабое, хрупкое, беспомощное создание, по крайней мере с точки зрения мужчины. Норт закрыл ей глаза, нажал на челюсть, чтобы губы, от-

крытые в последнем страшном вопле, сомкнулись. Но все было напрасно. Ужас на лице бедняжки застынет навсегда, и родные поймут, что ей пришлось вынести в последние минуты, хотя уже никогда не смогут услышать голос жертвы. Страшная гримаса останется до тех пор, пока труп не превратится в груды высохших белых костей.

Норт поднялся и отступил на шаг, боясь сорваться с узкого карниза в Ирландское море, расстилающееся в сорока футах под обрывом. В воздухе стоял густой запах соленой воды; шум волн, разбивающихся о неподвластное времени нагромождение черных скал, своим странным ритмом успокаивал нервы. Так было всегда, еще когда Норт, маленький измученный мальчик, думал лишь о бегстве из замка.

Погибшая женщина была хорошо известна Норту, но потребовалось несколько мгновений, чтобы узнать Элинор Пенроуз, вдову покойного сквайра Джозайи Пенроуза из Скриледжи-Холл, поместья, расположенного всего в трех милях отсюда. Норт знал ее с тех пор, как Элинор приехала откуда-то из Дорсета и вышла замуж за сквайра. Тогда ему самому было лет десять-одиннадцать. Он помнил Элинор веселой, всегда смеющейся; мягкие каштановые волосы, обрамлявшие множеством локонов лицо, плясали и покачивались, когда она шутила или тыкала степенного сквайра большим пальцем под ребро так, что его поджатые губы невольно растягивались в вымученной улыбке.

И вот теперь она мертва, съезжилась, как ребенок, на узком карнизе. Норт не переставал повторять себе, что она, должно быть, поскользнулась и это лишь несчастный случай, но в глубине души знал, что обманывает себя. Элинор Пенроуз знала эти окрестности так же хорошо, как он сам. Она ни за что не стала бы бродить одна так далеко от дома, подвергая себя опасности упасть. Как же все это случилось?

Норт медленно поднялся на утес, возвышавшийся на тридцать футов над карнизом: пальцы сами собой отыскивали знакомые трещины и впадины, ноги соскользнули лишь

дважды. Подтянувшись, он перевалился через голую иззубренную вершину Сент-Эгнес-Хед, под-

нялся и, отряхивая бриджи, посмотрел вниз. С этой высоты мертвая женщина казалась ярким голубым лоскутком, который прежде всего и привлек его внимание.

Неожиданно камень под носком сапога качнулся, ком земли оторвался и полетел вниз. Норт неуклюже взмахнул руками и отпрянул. Сердце бешено колотилось. Вероятно, именно это и случилось с Элинор Пенроуз: она подошла слишком близко к краю и по чистой случайности рухнула не в бушующее море, а зацепилась за узкий карниз. Но это не спасло ей жизнь.

Норт на коленях обследовал почву. Нет, кажется, ничего не сдвинуто, кроме булыжника, оторвавшегося от скалы под его весом. Никаких следов. Норт поднялся и, отряхнув руки, направился к гнедому мерину, Тритопу*, огромному коню высотой в семнадцать ладоней и поэтому заработавшему такую кличку. Тритоп неподвижно и покорно ожидал приближения хозяина и даже не взглянул на стайку чибисов, разрезавших воздух почти над его головой. На холку села стрекоза, и конь лениво взмахнул хвостом.

Теперь придется поехать к судье, сообщить о случившемся. Норт грустно улыбнулся, сообразив, что он сам и есть судья. Здесь не армия: ни сержантов, выполняющих любой его приказ, ни устава, ни правил.

— Ну что ж, — сказал он вслух, легко вскакивая на широкую спину коня, — отправимся к доктору Триту. Он должен взглянуть на Элинор, прежде чем мы снимем ее оттуда. Думаешь, она упала?

Тритоп не фыркнул, но потрянул огромной головой, словно не соглашаясь. Норт, подняв глаза и заслонившись ладонью от ослепительного солнца, в последний раз осмотрел обрыв и медленно произнес:

— Я тоже так не считаю. По-моему, какой-то сукин сын прикончил Элинор Пенроуз.

— Лорд Чилтон! Господи, мальчик мой, когда же вы вернулись? Больше года прошло с тех пор, как вы в послед-

* Верхушка дерева (англ.). — Здесь и далее примеч. пер.

ний раз были дома. Едва успели к похоронам отца и тут же вновь отправились на эту нескончаемую войну, которая, слава богу, наконец-то завершилась! Теперь все наши замечательные английские парни вернутся домой. Входите, входите! Вспомнили старого доктора?

Доктор Трит, высокий и прямой, словно молодой побег под жарким солнцем, стройный, как восемнадцатилетний мальчик, человек, умнее которого Норт не встречал, энергично пожал его руку и провел через маленькую приемную, сверкавшую металлическими инструментами и уставленную шкафами, полными пузырьков с аккуратно наклеенными этикетками. На выскобленном добела столе, как раз под шкафчиками, красовались ступка и пестик. Они прошли в гостиную — уютную теплую комнату с камином в дальнем конце и кое-как расставленной мебелью. Здесь повсюду царил беспорядок от раскиданных газет и журналов, повсюду стояли пустые чашки с недопитым чаем, щедро сдобренным, как знал Норт, контрабандным французским коньяком.

Норт улыбнулся, вспомнив, что в детстве доктор Трит казался ему гигантом. Он и вправду был очень высок, но не теперь, когда Норт вырос. Правда, сам Норт был из поколения очень высоких мужчин, способных ростом внушить страх и почтение любому противнику.

— Давно мы не виделись, сэр. Но теперь я снова дома и больше никуда не уеду.

— Садитесь, Норт. Чай? Коньяк? — Улыбка доктора Трита была теплой и дружелюбной.

— Нет, сэр. Собственно говоря, я приехал в качестве местного судьи объявить вам, что только сейчас нашел Элинор Пенроуз на карнизе под Сент-Эгнес-Хед. Она мертва уже почти сутки.

Доктор Бенджамен Трит окаменел подобно жене Лота*, бледнея все больше, пока лицо не побелело совсем, как его скромный галстук. Он внезапно состарился на глазах, и всего за одно мгновение жизненные силы, казалось, покинули

его, но доктор постарался взять себя в руки и покачал головой:

— Нет, этого не может быть. Вы забыли, как выглядит Элинор. Только не Элинор! Это какая-то другая, похожая на нее женщина. Мне ее очень жаль, но она не Элинор, просто не может ею быть. Скажите, что вы ошиблись, Норт.

— Простите, сэр, но это Элинор Пенроуз.

Но доктор Трит по-прежнему качал головой: глаза потемнели, резко выделяясь на белом лице.

— Мертва, вы сказали? Нет, Норт, вы ошиблись. Я ужинал с ней позавчера. Она была в прекрасном настроении, смеялась, как всегда... да вы, должно быть, помните, какая она. Мы ели устриц в Скриледжи-Холл, и пламя свечей было такое золотистое и неяркое, и она хохотала над моими рассказами о службе на флоте, особенно над тем, как мы стащили мешок лимонов с датского корабля в Карибском море, потому что у матросов началась цинга. Нет, нет, Норт, вы не правы, конечно, не правы. Я не могу позволить Элинор умереть!

«Проклятие!» — подумал Норт, но вслух лишь пробормотал:

— Мне очень жаль, сэр, правда жаль. Да, она мертва.

Бенджамен Трит отвернулся и медленно побрел к стеклянным дверям гостиной, выходящим в маленький внутренний садик, сейчас, в августе, утопавший в море красок буйно цветущих растений — розы переплелись с бугенвиллеями и гортензиями, красными, желтыми и розовыми. Один старый дуб был таким толстым, что тяжелые от листьев ветки закрывали целый угол садика, а плющ бесконечными кольцами обвивался вокруг ствола. Синие мотыльки-«красотки» вились над темно-зелеными листьями, заставляя их переливаться и мерцать в полуденном солнечном сиянии. Норт услышал нескончаемую скрипучую песенку цикады.

Доктор Трит по-прежнему стоял неподвижно, только плечи его сотрясались от сдерживаемых рыданий.

— Мне очень жаль, сэр. Не имел понятия, что вы и миссис Пенроуз были такими близкими дру-

зьями. Вам необходимо поехать со мной, сэр. Но вы должны знать еще кое-что.

Доктор Трит медленно повернулся.

— Говорите, она мертва? Что еще? Ну же, Норт, говорите!

— По-моему, она не просто упала с обрыва. Думаю, кто-то ее толкнул. Правда, я не осматривал Элинора, не касался ее, просто пощупал пульс. Остальное — ваше дело.

— Да, — наконец выговорил доктор Трит. — Да, я поеду. Погодите, что вы сказали? Кто-то ее толкнул? Нет, это невозможно. Все любили Элинора, все. О Иисусе! Я сейчас еду. Бесс, — позвал он. — Спустись, пожалуйста! Мне нужно ехать. Джек Марли должен скоро прийти. Бесс! Поспеш, женщина!

На пороге гостиной появилась Бесс Трит, задыхаясь и прижимая к груди руку. Это была высокая стройная женщина с очень темными глазами. Брат и сестра были очень похожи. При виде Норты Бесс быстро присела и с радостью воскликнула:

— Милорд, наконец-то вы дома! Вы точная копия отца, но все мужчины Найтингейлов на одно лицо, и так было всегда, по крайней мере если верить миссис Фрили, а до того — ее матушке. О боже, что-то неладно, верно? Почему ты собираешься уезжать, Бенджи? Что-то случилось? Кто-то в Маунт-Хок заболел?

Доктор Трит молча смотрел сквозь сестру, словно не видел ее и находился за много миль от Бесс и стоявшего рядом Норты. Наконец он тряхнул головой, пытаясь прийти в себя.

— У Джека Марли чирей на шее. Попытайся вскрыть его. Постарайся сначала хорошенько промыть больное место карболовой кислотой. Он никогда не моет шею, сама знаешь.

— Да, конечно, Бенджи. Я со всем справлюсь.

— Произошел несчастный случай, мисс Трит, — выдавил Норт. — Мы должны ехать.

— Несчастный случай? Но в чем дело? Бенджи, скажи мне! — Но доктор, продолжая покачивать головой и не говоря ни слова, прошел мимо сестры за Нортom.

Глава 2

*Ханимид-Мэнор, Саут-Даунз
Сентябрь 1814 года*

Она дрожала от озноба. В дом, и без того невыносимо холодный, быстро проникала сырость. Даже ее шерстяные чулки были влажными. Последние два дня с унылого серого неба струями падал дождь, постепенно сменившийся моросью и туманом, но, несмотря на это, температура по-прежнему понижалась, отравляя жизнь всем домочадцам, включая полосатого кота и не прекращавшего скулить и повизгивать Люси, плосконосого мопса миссис Тейлстроп. Компаньонка повсюду носила его с собой, завернув в шерстяное одеяло.

Кэрлайн снова вздрогнула. Боже, до чего холодно! Похоже, оба домашних привидения Ханимид летают по комнатам, замораживая каждый угол, или... или дело просто в обыкновенной скупости Роланда Ффолкса, ее опекуна. Да тут и гадать нечего! Никакие привидения не смогут сравниться с Ффолксом в изобретательности изводить людей. Они, возможно, тоже умирают от холода. И кроме того, бедняги не показывались вот уже три дня, с самого прибытия Ффолкса, и даже ни разу не испугали кота, хвост которого в таких случаях вставал трубой и становился в три раза пышнее обычного.

Правда, теперь призраки выходили совсем редко, раз или два в год, заставляя стены сотрясаться, картины валиться на пол, а горничных — визжать и расплескивать молоко на колени хозяевам. И все это только для того, чтобы напомнить о существовании того, что нельзя объяснить в саутдаунзской «Газетт».

Когда бы мистер Ффолкс ни навещал ее, он всегда вел себя в Ханимид настоящим хозяином. И это приводило Кэрлайн в бешенство. Ханимид-Мэнор был домом ее родителей и, следовательно, ее собственным домом. Это ее дрова и ее каминь!.. И все же он приказал слугам

не топить до ноября. Самый тон опекуна словно говорил о том, что его пытаются одурачить и разорить. Жаль, что привидения ведут себя так прилично в его присутствии, черт бы побрал этого скрягу!

— Ах, — повторяла миссис Тейлстроп каждый раз, когда девушка жаловалась на опекуна.

Компаньонка кивала при этом головой, словно мудрый наставник, объясняющий что-то безнадежно тупому новичку, и при этом в ее голосе не было ни малейшего сочувствия.

— Ну же, успокойтесь, дорогое дитя. С мужчинами всегда так. Им тут же подавай все, чего хотят. Они хозяева в своих замках. Это их право. Нужно приспособливаться, дорогая. Вам необходимо еще многому учиться.

— Чепуха, — всегда отвечала Кэролайн. — Это мой собственный замок, а вовсе не его, в конце концов!

Но миссис Тейлстроп вместо возражений всегда похлопывала ее по руке, движением, без слов говорившим о том, что девушка слишком наивна и совсем не разбирается в жизни, и только твердила:

— Ах, дорогое дитя, когда-нибудь вы выйдете замуж и многое поймете. Если не научитесь, как подобает женщине, подчиняться каждому желанию мужа, он будет вами недоволен, а это, позвольте вам объяснить, поскольку Бог и меня когда-то благословил дорогим муженьком, может оказаться крайне неприятным.

Муж! Как бы не так! Кэролайн приняла твердое решение давно, за два года до семнадцатилетия, и с тех пор не подумала его изменить!

Зубы девушки начали мелко стучать. Она вышла в комнату, названную Цветочной из-за огромных букетов красных роз на белых, отклеивающихся от стен обоях, которым исполнилось уже не менее шестидесяти лет, пытаясь хоть там найти тепло, но увидела вычищенный камин, без всяких признаков пепла, золы или хотя бы сложенных дров, и поняла, что распоряжение опекуна распространено в этот раз и на Цветочную комнату, где приезжавшие в гости соседи всегда пили чай.

Ну почему он такой жадюга? В конце концов, это ведь ее деньги, не так ли? Какое Ффолксу дело, сколько дров уйдет на отопление *ее* дома? По какой причине Ффолкс вечно отказывается заменить древние диваны, стулья и занавеси? Отчего не разрешит купить гнедую кобылу, которую сэр Роджер хочет продать Кэролайн? Почему позволяет оставить только скрипучий старый кабриолет, грозивший вот-вот развалиться на ходу, и покорную старую кобылу, которая, несомненно, проиграла бы скачку и черепахе? И, Господи Боже, арендаторы! Их коттеджи так нуждались в ремонте! А еще нужны новые плуги и семена для посева! С тех пор как умер отец, ничего не делается, ничего не меняется!

Кэролайн терзалась угрызениями совести, остро ощущая собственную вину, хотя ничего не могла поделать с отвратительной скупостью опекуна. Но сколько бы она ни старалась отрицать это, даже наедине с собой, все же прекрасно понимала, почему Ффолкс боится потратить лишней пенни. Он хотел сам заполучить ее денежки и считал любой расход на одежду Кэролайн, ее поместье или земли совершенно пустыми тратами. Ну уж нет, ее деньги не попадут в лапы гнусного скряги! Он скоро убедится, что с Кэролайн не так легко справиться!

Девушка обхватила себя руками, пытаясь растереть ладонями озябшую кожу, но тут же покачала головой. Это просто абсурдно, смехотворно! Она быстро вышла из дома. Солнце только что пробилось сквозь низко нависшие серые тучи. Кэролайн стояла на узких ступеньках крыльца, подняв лицо к небу. Следовало бы позавтракать прямо здесь, вместо того чтобы дрожать как последней идиотке в темной холодной гостиной, которую опекун отказался обставить заново, хотя это необходимо было сделать еще пятьдесят лет назад.

Но завтра все будет кончено. Послезавтра она сможет делать все, что заблагорассудится! Завтра Кэролайн исполнится девятнадцать лет — волшебный возраст, по достижении которого отец решил предоставить ей полную свободу. Свободу или брак. Она имеет право выбирать.

О да, конечно, Кэролайн, возможно, выйдет замуж, когда поседет и потеряет почти все зубы, и ее мужем станет красивый молодой человек, главной обязанностью которого станет ублажать ее и скрашивать последние годы на этой земле. И она, несомненно, вознаградит мужа, в зависимости от его усилий. Неплохая сделка, верно?

Завтра она выскажет мистеру Ффолксу все, что думает о нем. Обзовет паршивым скрягой и прикажет немедленно разжечь огонь во всех комнатах, даже в огромном камине старого холла, где можно легко изжарить быка. А потом вышвырнет опекуна вон! Начиная с послезавтрашнего дня Кэролайн никогда больше не придется видеть Ффолкса или его несчастного лопухого сына, молодого человека, который, в общем, даже нравился бы ей, если бы девушке время от времени не хотелось вlepить ему пощечину, поскольку тот вел себя как слабоумный, когда раздражал отца, что происходило довольно часто.

— Дорогая мисс Деруэнт-Джонс!

Девушка обернулась, хмурясь, как всегда, при звуках голоса опекуна. Мистер Ффолкс не упустил случая обратиться к ней с подобной ужасающе официальной формальностью. Она едва успела стереть с лица раздраженную гримасу и выдавить сухую улыбку, которую весьма успешно сумела отрепетировать за прошедшие два года. Точнее говоря, завтра будет как раз два года с того дня, как Ффолкс привез с собой Оуэна, чтобы тот попытался поухаживать за ней. Кэролайн знала Оуэна всю жизнь и даже неплохо к нему относилась, но тот памятный визит стал началом новых, невыносимых отношений, и Кэролайн именно тогда поняла, что детство ушло навсегда и окончательно.

Ах, какую бесконечную мучительную драму они разыгрывали, драму, иногда весьма смахивавшую на комедию! Отец, конечно, был напыщенным ослом, а сын — молодым человеком, которому никогда не будет позволено стать мужчиной, пока Ффолкс не ослабит смертельной хватки. Но, что ни говори, Оуэн, несмотря на столь омерзительного папашу, был не так уж плох, хотя и немного бестолков.

Мистер Ффолкс с сыном пробыли здесь всего три дня, и уже через двадцать минут ей страстно захотелось треснуть опекуна кочергой по голове. Мистер Ффолкс, потирая руки и оглядывая огромный холл, построенный самой графиней Шрусбери в конце шестнадцатого века, объявил, что они приехали отпраздновать ее день рождения и что Оуэн был бы очень огорчен, если бы пропустил столь знаменательный праздник.

Ффолкс, произнося эту торжественную речь, расплылся в улыбке, хотя глаза его отливали ледяным блеском. Оуэн, с красными оттопыренными ушами, молча стоял рядом и не смел произнести ни слова. Однако любящий отец добавил, искоса поглядывая на сына, что дорогой Оуэн неизменно предан кухне, очень привязан к ней и беспокоится о ее счастье и будущем. После этого Ффолкс, олицетворение любящего благодушного родителя, признался Кэролайн, что Оуэн день и ночь грезит о ее прекрасных золотистых локонах (на самом деле светло-каштановых, прошитых несколькими более светлыми прядями, выгоревшими под летним солнцем), о сверкающих фиолетовых глазах (по правде говоря, обыкновенных зеленых). Так продолжалось бы до бесконечности, пока Кэролайн наконец не вышла из себя. И тут Ффолкс сделал роковую ошибку, сравнив ее зубы с меловыми скалами Дувра. Это вызвало неудержимый смех девушки, поскольку она ожидала упоминания о бесценных жемчужинах, а опекун, истощив запас поэтической чепухи, обратился к геологическим терминам.

— Здравствуйте, мистер Ффолкс, — вымученно процедила она, растягивая губы в ледяной улыбке. — Солнце наконец показалось. Возможно, дом через пару недель согреется, если продержится теплая погода.

— Вероятно, но это не важно. Снова вы о чем-то замечались, мисс Деруэнт-Джонс. Правда, чего и ожидать от очаровательных молодых леди, не так ли? Вы поднялись с постели довольно рано для юной девы, которая провела половину ночи... смею ли я сказать это... в романтических скитаниях по саду? Сейчас лишь восемь часов.

— Это закон природы, о котором я до сих пор не слышала? И юная леди должна оставаться в постели весь день после вечерних увеселений?

Кэрлайн с симпатией подумала о молодом красавце, за которого выйдет замуж, когда превратится в дряхлую старушеницу, с трудом передвигающую ноги.

— Как всегда, шутите, дорогая? Вы вечно подтруниваете надо мной... еще одна очаровательная черта вашего характера, сказал бы я, если бы мне нравились подобные вещи. Зато Оуэн просто в восхищении от вашего остроумия, но ему еще только предстоит повзрослеть. Правда, по собственному опыту должен сказать, что у молодых леди не часто хватает сил или... энергии встать чуть свет, проведя почти всю ночь без сна.

— Я легла в половине десятого, сэр.

— Неужели? Но я думал, что вы с Оуэном прогуливались по саду, и...

— Возможно, Оуэн и прогуливался, сэр. Вероятно, сравнивал розы с альми бархатными шторами или каплями крови, падающими из порезанного пальца, хотя не совсем понимаю, как он мог сделать это, поскольку небо было затянуто тучами и непрерывно моросил дождь. Правда, вы вряд ли помните это, верно? Вы были слишком заняты уничтожением бренди моего отца, устроив настоящую попойку перед единственным зажженным камином, пока миссис Тейлстроп кудахтала над вами, предлагая слобные пышки! Нет, сэр, прошлой ночью на небе не показалось ни единой звезды, которую можно было бы воспеть. Да и ваш Оуэн вообще не слишком любит цветы. Стоит ему понюхать розу, и он тут же начинает чихать. Что же до меня, я крепко спала и видела во сне собственный день рождения. Я уже несколько месяцев мечтаю, чтобы он поскорее настал.

— Вот как! — пробормотал Ффолкс, сбитый с толку и обозленный на сына за то, что позволил кухне ускользнуть из ловко расставленной сети.

Опекун был разозлен и на себя, потому что действительно весь вечер провел за бутылкой бренди

и в обществе миссис Тейлстроп, согласно кивающей при каждом его слове.

Она много раз наставляла Кэролайн, что первейшая обязанность леди — слушать, кивать, улыбаться и предлагать джентльмену еду и питье. От ее проповедей девушка неизменно приходила в бешенство. Сейчас Кэролайн осторожно взглянула на опекуна из-под полуопущенных ресниц. Ффолкс все еще выглядел рассерженным, но и явно неуверенным в себе. Он, по всей видимости, не знал, что делать и как лучше перейти к интересующей его теме. О да, Кэролайн вполне могла представить детальные инструкции о том, как соблазнить ее, которые Ффолкс буквально вколачивал в тощую глотку и не очень-то сообразительные мозги сыночка. А Оуэн так подвел своего родителя!

Ффолкс прокашлялся и масляным голосом промурлыкал, источая спокойствие и обаяние:

— Что касается вашего дня рождения, дорогая мисс Деруэнт-Джонс, я посчитал, что лучше всего провести его в кругу семьи.

Кэролайн кивнула. Ей все равно, даже если придется отпраздновать день рождения на луне!

— Превосходно, сэ. Жаль, что у меня не так много близких родственников.

— О, мы с Оуэном постараемся проявить к вам как можно больше внимания. Кажется, Оуэн купил вам подарок... который... осмелюсь предположить, вполне может стать и подарком по случаю помолвки?

Наконец-то он перешел в открытое наступление. На секунду Кэролайн смутилась, но лишь на секунду и тут же широко улыбнулась опекуну:

— Оуэн слишком добр, но, мне кажется, для этого слишком рано, сэ. Мистер Дункан, конечно, сделал формальное предложение, но мы решили подождать до следующего месяца, прежде чем объявить о нашей помолвке. Свадьба назначена на Рождество. Нет, вряд ли я могу принять подарок от Оуэна, ведь о помолвке формально еще не объявили.